

и грелись, где-то угощались картошкой. Но деревня Шестерни присутствует в их дневнике исключительно снимком, где за памятником не видать никакого жилья, пусто, лишь холмы да перелески.

Может, деревню возродили, но на новом месте?

Названиями деревень Ушачина приветливо перекликается с огромным русским пространством, где такие встречаются сплошь да рядом: Заполье, Заозерье, Залуженье, Заречье, Заболотье, Загатье, Замошье. Иногда ушацкие имена требуют некоторого умственного напряжения: Завечелье, Зачистье. Но есть и Соловьёвка, и Ягодки, и Малиновка. И угрозой иной раз повеет: деревня Пилатовщина, деревня Черствяды. А то вдруг — Кугони. Кто такие? Да ясно же: сидят окаяшки в болоте, заросшем кугою, и тихо хихикают.

Шестерни уникальны, деревню с таким названием больше не найти нигде. Смысл вроде как лежит на поверхности, но возможны варианты. Я бы решительно отверг ту шестерню, которая шестерёнка, деталь механического устройства. Скорее, в старину шестернёю могли назвать, на манер двойни или тройни, приплод из шестерых малышей. Рождение человеческой шестерни — событие редчайшее и потому запоминающееся. Другое возможное объяснение — шестипалость, когда рука венчается не пятернёй, как у всех, а шестернёй. Тоже редкое событие. Представим, что природа наделила шестипалостью близнецов — вот вам и Шестерни.

Но это так, разговоры, а вообще-то история невесёлая.

1.2. Каратели

Деревня Шестерни разделила участь человеческих селений, которые стали жертвами фашистских карательных операций. Такие селения назидательно уничтожались на корню, чтобы соседи мотали на ус.

Для вразумления Чехии стёрли с лица земли шахтёрскую деревню Лидице. Для наставления Англии разбомбили в прах городок Ковентри. Наглядным пособием для французов стал посёлок Орадур-сюр-Глан. Жителей собрали на площади, женщин и детей отделили от мужчин и загнали в церковь, после чего мужчин методично расстреляли из автоматов, стараясь бить по ногам; затем их, уже лежащих, облили горючей смесью и подожгли; тогда настала очередь женщин и детей — в запертой церкви сработало зажигательное устройство.

Не удивительно, что три мученических имени остались в памяти Европы. К примеру, Лидицкую улицу можно найти во многих европейских городах.

Белоруссия стоит особняком, в ней каратели сожгли дома и уничтожили жителей не в одном, не в трёх и даже не в тридцати трёх селениях — полному уничтожению подверглись сотни деревень. Данные историков разноречивы, одни дают цифру 627, другие несколько иную. Ничего подобного не было ни в одной из оккупированных фашистами стран. Шестьсот двадцать семь Орадуров — это несовместимо с европейским воображением и даже нам, ко всему привыкшим, верится с трудом. На месте одной из сожжённых белорусских деревень, имя ей Хатынь, создан, как в Лидице, мемориал, прочие остались безвестными.

В Шестернях нагрянувшие вдруг каратели загнали всех поголовно жителей в амбар и аккуратно подпалили его с разных сторон. Вслед за людьми пожгли дома.

Перед войной в тех местах проходило укрупнение деревень, в Шестерни свели соседние селения — до них было трудно добираться. В результате расправа досталась большому числу людей и жилищ.

Вместе со всеми сгорела мать Анны Борисовны **Мария Орестовна**, ваша прабабка. Сгорели её внуки, ваши несостоявшиеся тётки и дядя. Сколько их там было, я не знаю.

Белорусские писатели детально рассказали, как у оккупантов делались дела такого рода, почитайте хоть Алеся Адамовича. О сожжении деревни Шестерни и её жителей писатели не писали, но через много лет после войны нам с мамой довелось послушать живые свидетельства маминой двоюродной сестры Паши, **Пелагеи Павловны Васюковой**. Паша, в ту пору девочка, к приходу карателей случайно оказалась в соседней деревне и общей участи избежала.

Когда идёт такой рассказ, записывать неловко. Другого случая мне не представилось.

Немного деталей, но уже с чужих слов, прибавила другая двоюродная сестра **Мария Ивановна Тытюченко**. Маруся оказалась хранительницей семейной памяти и собирательницей разбросанной родни. Навестив нас 30 апреля 1976 года, она охотно поделилась своими знаниями. На сей раз я старательно записывал.

Согласно Марусиному рассказу, в белорусской семье пережили войну исключительно те, кто к её началу пребывал в призывном возрасте. У мученицы Марии Орестовны было семеро детей: **Павел, Варвара, Аркадий, Екатерина, Мария**, бабка ваша **Анна и Татьяна** — они все изрядно вышли из детского возраста, даже младшая, Таня, воевала санитаркой. И все семеро к концу войны оставались живыми. Возраст пушечного мяса оказался спасительным. А не пощадила война старых да малых.

Вот в моей дословной записи Марусино дополнение к рассказу Пелагеи Павловны. Речь идёт о Пашином отце **Павле Борисовиче** (самой Марусе и вашей маме он родной дядя):

У дяди Павла в том амбаре сгорели дети — дочь Валя, старшая, и мальчик лет пяти. Они были с бабушкой Марией Орестовной. Жена чудом осталась живая с простреленной шеей. Он, когда об этом узнал, совершил аварию. А служил шофёром в авиачастях у Васьки Сталина. Васька хотел его расстрелять. За день до того сам расстрелял за аварию из пистолета другого шофёра, который тоже возил боеприпасы. Но дядя Павел не стал, как тот шофёр, просить у Васьки пощады, не пал на колени. Ваське рассказали, в чём дело, и он налил дяде Павлу и себе по стакану спирта за упокой.

Тут непонятно «чудом осталась живая». Каким чудом?

Могло быть так: цеплялась за детей, кричала, не давала загонять в амбар. Её пристрелили. Лежала в каком-нибудь кювете или на обочине. Очнулась — все сгорели, а она живая.

Имя родственницы с простреленной шеей до нас не дошло.

1.3. Мы кривичей потомки

Несколько выписок из 9-го тома сериала «Россия» позволят представить обитателей деревни Шестерни и дадут пищу для воображения. Том вышел из печати в 1905 году, когда Ушачина входила в состав Лепельского уезда Витебской губернии.

Территория, занятая в настоящее время четырьмя белорусскими губерниями, в эпоху образования русского государства была населена тремя русскими племенами — кривичами, дреговичами и радимичами. ...Кривичи занимали всё Подвинье. ...Осевши рядом с литвой, они оттеснили её... и пошли дальше, основав среди финских племён города Новгород, Псков, Изборск.

Ушачина — это как раз Подвинье, в нынешнем Ушачском районе 154 озера, и все они нанизаны на 11 рек бассейна Западной Двины. Исходно эти места входили в состав Полоцкого княжества — Полочины. Их принадлежность неоднократно менялась, отражая соперничество литовских, польских и московских правителей за соби́рание русских земель. До 1793 года Ушачина вообще не входила в состав России. Но неизменной оставалась принадлежность деревенских жителей озёрного края к белорусам.

Именно деревенских — ибо национальный состав городов и местечек был здесь совершенно иным. Согласно тому же источнику, в уездном центре Лепеле более 4000 из 7000 жителей составляли евреи, и наряду с двумя церквями религиозные потребности населения обеспечивали восемь еврейских молельных домов и римско-католический костёл. Для начала XX столетия это вполне характерное соотношение. К примеру, в центре Ушачины местечке Ушач (ныне Ушачи) в то время были четыре еврейских молитвенных дома плюс римско-католическая каплица плюс одна церковь. Да ещё народное училище и аптека. *«Главным занятием жителей-христиан служит хлебопашество, а евреев — торговля. ...Жителей в Ушаче свыше 1300, в том числе евреев 1200».*

Укрепление <в XVI веке> крепостного права сопровождалось крайним ухудшением материального положения крестьянства. Полная зависимость от панов и бедность угнетали это сословие. ...Трудность в уплате податей и отбывание повинностей затруднялись ещё тем, что крестьянин должен был удовлетворять аппетиты многочисленной и алчной администрации, состоявшей из мелкой шляхты или из евреев. ...При таком положении вещей крестьянин не мог найти защиты нигде, не мог и оказать активного сопротивления. Зато он искуссился в поисках пассивного сопротивления.

К XIX столетию положение белорусского крестьянина вряд ли изменилось к лучшему.

*Видишь, стоит, измождён лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус...*

Это Некрасов — знакомая со школьной скамьи «Железная дорога».

*Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.
Да не робей за отчизну любезную...*

И так далее.

В школе и помыслить было невозможно, что эти строки будут иметь ко мне отношение. Оказалось — они о генах, которым суждено войти в состав моих детей. Гены сказались: в вас обоих, как и в вашей наполовину ушацкой матери, отчётливо присутствует благородная привычка к труду.

Ещё немного из 9-го тома «России»:

С настоящим, коренным белорусом можно познакомиться только в его бедной деревне, среди болот и лесов. ...Он среднего роста, скорее приземист; он не так широк и плотен, как великорус. ...Белорус отличается светлым цветом кожи. ...В нём заметна мягкость в чертах лица, которую удачно пополняет кроткий взгляд серых или голубых глаз. ...Женщины очень часто обладают весьма тонкими чертами лица. Вообще белорусы представляют собою едва ли не самый чистый тип славянского племени.

Ваша ушацкая бабушка Анна Борисовна вряд ли представляла собою «самый чистый тип славянского племени». Сейчас вы прочитаете воспоминания, в которых она описана так: «Шатенка, большие карие, очень красивые глаза. Смуглая...» Тут интрига. Не подмешалась ли посторонняя кровь к настоящему белорусскому генотипу семейства Шестерень?

Кто знает.

1.4. Ася

Дня рождения своей мамы ваша мама Алла не запомнила, годом рождения неуверенно назвала 1912-й. Чуть уверенней была младшая сестра Анны, Татьяна, назвавшая 1917-й год. Если так, то замуж Анна Борисовна вышла чуть ли не в шестнадцать лет, а всего прожила около двадцати пяти. Скончалась в феврале 1942-го.

Близкие звали её Асей.

Асин отец (ваш прадед) **Борис Шестерень** (отчества не знаю) был, судя по фамилии, местный, деревенский. Девичья фамилия Асиной матери Марии Орестовны была **Поцей**.

Возьмём на заметку, что Поцеи не раз отмечались в отечественной истории. Пушкин в «Истории Петра» поминает великого гетмана литовского Поцея, которого Пётр Великий назначил в 1711 году в начальники союзному (в ту пору) польскому войску. Самым известным из носителей этой фамилии

был, наверно, православный епископ Ипатий, в миру Адам Львович Поцей (1541–1613). Его за тайный сговор с католическим Римом (1590) современное православие называет вероотступником. Намерения у Ипатия были самые благие — преодолеть разделение церквей, приобщить русских батюшек к европейской учёности. А получилось «как всегда»: Брестская уния (1596) провозгласила верховенство римского папы над православной паствой, так что последствия Поцеевых инициатив раздирают славянский мир по сегодняшний день.

Имела ли Мария Орестовна отношение к тем знаменитым Поцеям? Вряд ли. Её крестьянской семье могли просто присвоить фамилию помещика, такой обычай в Белоруссии водился. К примеру, мой коллега профессор Муса Сулейменович (Михаил Семёнович) Мицкевич рассказывал, что фамилия у него от хозяина-поляка, владевшего татарским селением (татары издавна жили на территории Белой Руси).

Орест Поцей, Асин дед по матери, был крестьянином ушацкой же деревни Заславки. В коллективизацию в нём признали классового врага, но в виду глубокой старости в Сибирь не погнали, и он доживал свой век в родной раскулаченной избе.

Один из его сыновей **Пётр Орестович Поцей** жил в Смоленске. Для Аси Шестерень смоленский дом «дяди Поцея и тётки Поцей» был родным — она была отдана в этот дом ребёнком и выросла в нём.

О том, какой была Ася, как она жила и как умирала, рассказывает тётя Мура — **Мария Сергеевна Подбелло**, младшая сестра вашего деда Виктора. Свой рассказ она записала 9 мая 1979 года к твоему, Анюта, семилетию. Не будем придавать значения мелким неточностям (например, в самом начале ошибочно упомянута Смоленская область), по большому счёту это подарок.

Анна (Ася), Виктора Сергеевича Немцова первая жена. Родилась Ася в Смоленской области в крестьянской семье. Когда мы с ней познакомились, она жила у тётки.

В деревнях шла коллективизация, было голодно. С каких лет жила Ася у тётки, сейчас я не помню, но жилось ей несладко. Окончила она среднюю школу. В 1932 г. был в стране голод, карточная система, было очень тяжёлое время. Виктор был уже кадровым военным в чине старшего лейтенанта. Он жил в Смоленске. Я приехала к нему, устроилась работать на фанерный завод счетоводом. Жили мы с ним в центре города в 12-метровой комнате, которую дали Виктору, конечно, в общей квартире.

Воинская часть, в которой работал Виктор, стояла на окраине города. Это было недалеко, километров пять, но сообщения никакого не было, поэтому Виктор больше находился в части, там было общежитие для комсостава, приезжал домой не каждый день. Однажды он приехал вместе с девушкой — очень красивой. Познакомил меня и сказал: «Тебе одной жить скучно, вот тебе подруга Ася». Через некоторое время она стала его женой.

Опишу её внешность. Среднего роста (как Алла). Шатенка, большие карие очень красивые глаза. Смуглая, румянец во всю щёку, так и пышет здоровьем. Очень красивая и очень хорошая. Виктор её очень любил. Её нельзя было не любить, она всем была хороша.

Прожили мы вместе год. Виктора перевели в Могилёв, там у них с Асей родился сын Дима, который не дожил до года, умер.

Ася Шестерень

Ася (слева) и Мура
(1932 г.)

В 1934 г. я поступила в Московский текстильный институт. С Виктором и Асей мы встречались раз или два в год. В 1935 году родилась Алла. Не могу точно назвать дату, когда Виктора отправили в Монголию на войну с самураями. Он там пробыл года два, Ася в это время жила в Гомеле в нашей семье. Где родилась Алла, я не помню, только она родилась семимесячной. Причина преждевременных родов так и осталась неизвестной.

Снова свела нас судьба в 1939 году. Воинская часть, в которой служил Виктор, стояла в Наро-Фоминске, там они жили в военном городке. Ася уже заболела. По внешнему виду её нельзя было считать больной, она выглядела очень хорошо, только сильно была увеличена селезёнка. Часто лежала в госпитале по два-три месяца. В 1940 г. был поставлен диагноз — лейкемия (рак крови), но ей этого никто не говорил. Она решила по-своему, что должна родить, чтобы поправиться. И так в 1941 году, 23 марта, родился Валерик (семимесячный). До 22 июня Ася находилась в госпитале, а затем стали прибывать раненые и Асю из госпиталя выписали.

(Если кто забыл — 22 июня это день нападения фашистской Германии на нашу страну.)

Виктор ушёл на фронт. Москва эвакуировалась. Мы уезжали в Челябинск. Ася отказалась категорически ехать с нами.

В Челябинске нас разместили в гостинице Челябинского тракторного завода. У нас была на семью отдельная комната. Однажды приходит ко мне мальчик лет двенадцати и приносит мне записку от Аси. Она пишет: «Мура, я приехала с детьми, нахожусь на вокзале, этот мальчик тебя ко мне приведёт».

Я привезла Асю совершенно больной. Алла и Валерик были больны корью. Они ехали в теплушке, почти два месяца добирались до Челябинска, грязные, голодные, вшивые. Они бежали от немца полураздетые. С ужасом вспоминаю: как могла она, бедняга, выдержать с таким здоровьем такой переезд в холодном товарном вагоне — полуголодные, полуголые.

Приехали они в октябре, а в феврале Ася умерла. Она приехала уже полупокойником. Страшно вспомнить, сколько на них было вшей.

Никаких документов, подтверждающих, что Ася жена военнослужащего, не было. Я пошла в военкомат. Ведь был голод, давали по 300 гр хлеба и всё, а хлеб — по карточкам, а карточек у Аси и ребят не было. Пока разыскивали Виктора да он прислал аттестат на получение денег, прошло почти три месяца. Очень тяжело вспоминать всё это. Валерик заболел диспепсией. Остался он жив чудом. Хлебнула я с ними горя.

В декабре месяце случайно на улице встретила Лиду. Их мясомолочный комбинат эвакуировали из Гомеля в Троицк, это от Челябинска 100 км, она там работала бухгалтером. Это было как во сне — ведь Гомель Гитлер бомбил в первый день войны. Я думала, все погибли. В Троицке было с продуктами легче, там можно было достать молоко,

овоци. Лида взяла к себе Асю — думали, может быть, она поправится, но увы...

После смерти Аси Лида переехала в Челябинск. И так остались сироты: Аллочка 6 лет, Валерик 11 месяцев.

(Лида — родная сестра рассказчицы и вашего деда Виктора.)

1.5. «Мамочка, прощай»

Теперь о тех же событиях расскажет ваша мама, в её рассказе они увиденны детскими глазами. Мама надиктовала это мне у нас на даче в Пласкининских Садах двумя порциями — 31 июля и 8 августа 2006 года. Есть небольшие расхождения с рассказом Марии Сергеевны, это не редкость для воспоминаний.

Смоленск. Помню себя, начиная со Смоленска. Первое воспоминание — уличные фонари в шаровидных плафонах. Вероятно, они запечатлелись оттого, что не встречались прежде. Помню пустую, белую от яркого света, с белыми стенами и белым потолком, комнату. Мы входим в неё, и я вижу, что в углу напротив двери на маленьком, с ладонь, стульчике сидит плюшевый медвежонок. А с потолка свисает круглая лампа, такая же, как фонари на улице.

Наше другое жилище в Смоленске — двухэтажный деревянный дом, крутая лестница со скрипучими ступенями. На втором этаже была наша комната, очень небольшая и небогатая, судя по сатиновому коврику с крупными яркими розами на тёмном фоне. Он служил единственным украшением.

Перед домом был небольшой безлиственный дворик и сарай, в котором жили собака и два щенка, Альточка и Тенор. Собака была служебная овчарка, а щенки охотничьей породы. На обороте сохранившейся фотографии, где я стою рядом с этими щенками, проставлена дата — июнь 1936 года. Значит, мне меньше полутора лет. А я твёрдо стою на ногах.

Но память сохранила и более раннее событие — первые самостоятельные шаги, падение и удар лбом об дверь. Я запомнила папины утешения и назидания, по-моему, не очень логичные, насчёт смотрения то ли перед собой, то ли под ноги.

В это время я всегда была с мамой, и мне было хорошо и спокойно. Однажды меня оставили с незнакомой мне, деревенского вида, женщиной. Не знаю, была ли это мамина родственница из деревни, приехавшая ей помочь, или это была моя бабушка, или нанятая няня, но я выразила буйный протест. Я плакала, отбивалась от неё, даже пнула ногой. Я понимала тогда, что плохо поступаю, и мне была стыдно, но я продолжала упорствовать. Бабушка эта, чтоб завоевать моё расположение, принималась то петь, то плясать. От неё я впервые услышала белорусскую песню:

Чаму ж мне не петь,
Чаму ж не гудеть,
Коли у маеі хатыньке
Порядок ідзць.
Паучок за печкой

Алла, Альточка и Тенор
(1936 г.)

*Паутинку вьёт,
Мышка у печурочки
Корочку грызёт.
Чаму ж мне не петь, и т. д.*

Она же рассказывала мне сказку и показывала панорамную лубочную, в серо-зелёных тонах картинку про то, как мыши кота хоронили. Текст этой сказки был стихотворный и великолепный, но его моя память не сохранила. Запомнила лишь слова «на краже помешан, за то он повешен». (Недавно снова повстречалась с этим сюжетом в чудесной мультяшке.)

Анна Немцева
с дочерью Аллой

Видно, с няней у моих родителей ничего не получилось, и меня отдали в ясли. Там мне всё было плохо, и я в знак протеста вскоре заболела дифтерией. Меня прямо из яслей на скорой помощи отвезли в больницу, там в руках сестры был огромный шприц с молочно-белой жидкостью. Я лежала в боксе, и когда стала выздоравливать, мама и Валя Поцей стали меня навещать. Однажды принесли и просунули мне в окошко виноград, дамские пальчики. Это был первый в моей жизни виноград.

Ещё помню, как я жила в семье Поцеев, куда мы приехали, возможно, на сороковины недавно умершего дяди Поцея. Говорили, что незадолго до его смерти был знак — ласточка влетела в окно. Семья занимала комнату в коммуналке с большой, пропахшей кошками, кухней. У Поцеев было двое детей — Витя (или Виталий?) и Валя — девочка лет 13, с которой я очень дружила. Помню коммунальную кухню с цементным полом. На кухне висел портрет Крупской, и Валя сказала, чтоб я не ковыряла в носу, а то он будет, как у Надежды Константиновны. У Вали был пионерский галстук с металлической защёлкой.

В комнате было отгороженное место, где Валя и её брат со мной забавлялись: Валя читала мне сказку о царе Салтане, а брат учил танцевать фокстрот, ставя мои ноги на свои. У них всё было хорошо, только не было горшка, и меня сажали на ведро, это было очень неудобно.

Запомнилась ещё одна забавная история из этого времени. Однажды мы куда-то бежали на поезд, и мама с Валею уронили огромный арбуз. Он разбился, но все смеялись. А опаздывали потому, что в самое неподходящее время я захотела какать.

(Аналогичная история произошла через много лет в Будапеште, где ты, Аня, своим «хочу какать» вынудила нас всех, опаздывающих на московский поезд, взбираться обратно на гору, к дому Марики, вдовы нашего друга поэта Михая Ваца.)

Где-то там же в Смоленске были качели в форме доски, и я сказала, что мы уезжаем в Москву, а мне сказали: «В Москву, в Москву — разгонять тоску», — и я думала: как же там разгоняют ДОСКУ?

Наро-Фоминск. Потом помню уже Наро-Фоминск, где мы жили в военном городке. Он располагался прямо посреди леса и был разделён пополам огромным лесистым оврагом. Жили по одну сторону оврага, а за

ним было место, куда папа ходил на работу. По дну оврага тѣк ручеёк, в нём я летом, не снимая с ног, непрерывно мыла ботинки, чтобы блестели, но они блестели совсем коротко, а потом опять тускнели. Это — летом, и помню, как весной этот ручей вдруг пробивался из-под снега.

А зимой склоны оврага становились горками, и я до умопомрачения носилась по склону оврага то на лыжах, то на санках, и однажды, свалившись с санок, так сильно ударилась затылком об лёд, что еле добрела домой. Возвращалась в заледенелой одежде, вешала её на батарею, и мама говорила: «Твоё счастье, что у меня болит голова, а то я бы тебя выдрала».

Мама не боялась отпускать меня одну, а я любила гулять одна, и летом я много времени проводила в лесу и в овраге совершенно одна и в большом счастье. Мама поругивала, когда я надолго пропадала, папа был моим защитником.

Я любила встречать папу, когда он возвращался с работы, высматривала его, и когда он появлялся на другой стороне оврага, растопыривала руки и бежала ему навстречу обниматься. Если же замечала, что обозналась, то начинала гудеть, делая вид, что изображаю самолёт.

Аллочка
(1938 г.)

(Где-то довелось читать, что на похожую уловку пускается обознавшаяся собака.)

За оврагом кроме папиной работы был клуб с кинотеатром и музыкальной школой. В музыкальную школу мама водила меня на прослушивание. Когда мы вошли в класс, детский хор под фортепиано исполнял какую-то песню. Это была первая живая музыка, и я очаровалась ею, потом всю войну мечтала стать ученицей музыкальной школы. Дома у нас был патефон с пластинками — увертюра оперы «Кармен», песни Утёсова, хор Пятницкого: «На закате ходит парень...»

Война. Война меня застала в Сходне, куда я приехала с тётёй Лидой к её и папиному брату, дяде Мише. Мама в это время лежала в больнице в Москве, ей там делали переливание крови, мы у неё были, но я там маму не помню. После больницы мы с тётёй Лидой и женой дяди Миши были в каких-то банях типа Сандуновских и уже оттуда поехали в Сходню — и когда проходили по переходу над путями, громкоговоритель громким голосом Левитана сказал про войну. Меня удивило слово «коммюнике», которое я услышала впервые.

(У моего давнего друга поэта Евгения Львовича Храмова, ныне покойного, есть стихотворение «Первый день», судя по которому его семья встретила войну тоже на станции Сходня. Любопытное совпадение, не больше. Так вот, в этом стихотворении отец малолетнего

Лиды, Анна и Аллочка
(1938 г.)

автора, услышав о нападении Германии, крикнул, приняв померанцевой: «Ну, через месяц — в Берлине!»

Подобная реакция на грозную весть не была исключением, так думали многие, и ваша бабушка была в их числе — верила в нашу скорую победу.)

Сходня поразила огромным количеством вороньих гнёзд и вороньим гомоном.

Вероятно, в больнице мама была с Валериком, который родился 23 марта, за три месяца до войны. Мама очень приобщила меня к заботам о Валерике — делать сок и другое.

Сходня длилась день или два, а вообще начало войны проходило в Наро-Фоминске, где все, даже мама с Валериком, сразу стали ходить на занятия: как гасить зажигалки, как удалять с кожи капли отравляющего вещества, как бинтовать раненых.

Особенно запомнилось, как в лесу копали блиндажи. Сначала вырезали и откладывали в сторону куски дёрна. Затем в маслянистой глине выкапывали яму в рост человека и по бокам срезали грунт, чтоб получились сидения и ступеньки. Мы, дети, работали как все сапёрными лопатками. В блиндаж спускались пережидать воздушную тревогу.

Было очень страшно, когда в первый раз ночью завывли сирены. Но оказалось, что тревога была учебной. Потом начались настоящие тревоги, в основном ночами. А однажды в яркий солнечный день, без всякой тревоги, над военным городком низко-низко стали кружить немецкие самолёты, из них посыпалось что-то серебряное, это оказались листовки. Я подобрала одну, мне её прочитали:

*Дорогой товарищ Сталин,
Мы Москву бомбить не станем,
А станем мы бомбить Урал,
Куда евреев ты послал.*

Наверно, там было «жидов», но взрослые этого слова при ребёнке не применяли.

Когда пошли настоящие ночные тревоги, мама надевала на меня все одежды, даже зимние, хотя было лето. Мы только поначалу спускались в блиндаж, но мама там задыхалась, поэтому стали просто ложиться на траву и смотрели на это красивое зрелище — прожекторы, самолёты, взрывы. Фугасы взрывались поодаль, а один не взорвался и все ходили на него смотреть, это была очень большая бомба. Зажигалки тоже падали.

Папу куда-то отправили чуть ли не в первый день войны, но в какой-то из дней он на несколько минут появился дома, забежал повидаться-попрощаться: зажгётся свет, и я увидела папу.

Мама очень не хотела уезжать, говорила, что мы вот-вот разобьём фашистов. Поэтому тянула до последнего — мы уехали последним эшелонам, видимо где-то в конце сентября.

Нас погрузили в товарный вагон, и мы двинулись в Челябинск. Ехали очень долго, всё время останавливались: то пропускали военные поезда, то ожидали, когда отремонтируют разрушенные бомбами пути.

В нашем товарном вагоне постепенно устанавливался уют со спальными местами на полу. Когда похолодало, поставили печку, около неё стало легче сушить пелёнки. Постоянной нашей едой были сухари и сгущёнка. На остановках всегда был кипяток. Его приносили в чайниках,

в кипятке разводили сгущёнку. Такая пища была хоть и однообразной, но полноценной, и чувства голода у меня в то время не было.

Свердловск. В Свердловске нам предстояла пересадка. Здесь уже была лютая зима. Женщин с детьми вначале разместили в комнате матери и ребёнка, где было по-казённому чисто, но еда после наших сухарей и сгущёнки показалась совсем несъедобной, особенно блюдо под названием «суфле». Вскоре лимит пребывания в комнате матери и ребёнка был исчерпан, и мы стали жить на вокзале, на полу. Там у нас, как в теплушке, образовался островок своего пространства. В нём обитали мама, я с Валериком и наши вещи, в числе которых была ручная швейная машинка, с которой мама не могла расстаться. Чтобы продолжить путь, нужно было закомпостировать билеты, поэтому каждый день мама уходила из нашего островка в билетную кассу, а нас оставляла одних. Сначала я терпеливо ждала, потом пугалась, что мама пропала и начинала громко плакать и ревелла пока мама не возвращалась. Обитатели вокзала сбегались на мой рёв и старались меня успокоить, заверяя, что мама не пропала, а просто стоит в очереди и скоро придёт. Когда мама возвращалась, она всегда виновато улыбалась и начинала утешать и кормить нас. Ей долго не удавалось пробиться к кассе и закомпостировать билеты. Всё это время мы по-прежнему получали сгущёнку, сухари и кипяток. Это было организовано бесперебойно, и мы не голодали.

Наконец билеты удалось закомпостировать, началась ещё более ужасная эпопея — попытка сесть в поезд. Там на каждый вагон бросалась штурмом немыслимая толпа, а у мамы руки были заняты вещами и ребёнком. Позже тётки говорили, что нам помог какой-то молодой человек — втиснул нас и вещи в вагон через окно, а маму через дверь. Это была уже не теплушка, а обычный пассажирский вагон.

Челябинск. Каким-то образом мама знала, что в Челябинске находится папина сестра, тётя Мура. У мамы был её адрес, но сил добраться от вокзала уже не было, и она послала с запиской какого-то случайного мальчика. Тётя Мура нас нашла, и мы наконец оказались в месте своего назначения — в зоне Челябинского тракторного завода. Этот завод был в сфере деятельности мужа тётки Муры Петра Степаньича, его даже на фронт не брали как специалиста по тракторной и танковой промышленности.

Дом, в котором мы поселились, представлял собой длинное серое здание в несколько этажей, называвшееся интернатом № 2. Оно было явно гостиничного типа с широким холлом на первом этаже и длинными коридорами на этажах. С одной стороны от лестницы на каждом этаже была большая кухня с дровяными плитами, которых никто не топил, — все пользовались электрическими плитками, стоящими в комнатах. На другом конце коридора — туалет с несколькими унитазами, там было огромное количество крыс, их рожи повсюду торчали из нор.

Троицк. Мы в этом интернате прожили недолго, потом вместе с тётей Лидой уехали в Троицк, — возможно потому, что в Троицке тётя Лида смогла устроить маму в больницу. Там оказались в сельском доме, где жили хозяйка и молодой мужчина, которого не призвали — у него была тяжёлая лёгочная болезнь. Было странно после всего ужаса оказаться в уютном нормальном жилище: печка с занавесочками, буфет со стеклянной посудой. Мама была вся в нарывах — подмышками и на груди, но она продолжала кормить Валерика грудью. Она уже не была ходячим

больным, могла только лежать, и я часто сидела у её кровати и читала ей книжку. Это были сказки Мамина-Сибиряка. Я их знала наизусть и, изображая чтение, перелистывала страницы. Была зима, в доме жарко топили, плохо проветривали, мама задыхалась и просила, чтобы я помахала книжкой перед её лицом. Я начинала махать, но быстро уставала и говорила маме: давай лучше я на тебя подую, но она отказывалась, и я не понимала, почему.

Потом маму взяли в больницу, где, мы надеялись, ей сделают переливание крови, но видно с кровью было тогда туго, и очень скоро она там умерла.

Тут началась особенно трудная жизнь для тётки Лиды. Ребёнка надо было кормить из бутылочки. Помню, какая была жуткая трагедия, когда бутылочка разбилась.

Мне не сразу сказали, что мама умерла, видно тётя Лида попросила молодого человека, чтоб он меня подготовил к такому известию. И когда я в очередной раз спросила, когда же вернётся мама, он сказал: «Ну, теперь ты её не увидишь, как своих ушей». Я сразу всё поняла, но тянула время, чтоб что-то ответить, а потом схитрила. Я подошла к зеркалу и сказала: «А я вижу свои уши».

Хоронили маму, наверно, вдвоём — тётя Лида и я. Был февраль, гроб везли на санях через город, он был открытый. Чужие люди подходили и говорили: «Ой, какая молодая! Ой, какая красивая!» — и некоторые шли с нами дальше на кладбище.

Я не плакала ни разу. Не сравнить с тем, как ревела в Свердловске на вокзале. Когда могилу стали засыпать землёй, тётя Лида велела мне сказать: «Мамочка, прощай, больше я тебя никогда не увижу». Я сказала это — для тётки Лиды, но сама никогда бы такого не сказала. Я ни плакать, ни говорить словами не могла, это было не в моём характере.

В то время я и вообразить не могла, как изменит мою жизнь смерть мамы.

1.6. На Урале с тётей Лидой

Всё ещё Троицк. Тётя Лида работала на жирокOMBинате, оттуда приносила паёк — необычайно вкусное овощное рагу. Иногда были кристаллики лимонной кислоты, которые можно сосать. Однажды хозяйка пекла картофельный пирог: тонкое, как для лапши, тесто, картошка кружочками с луком и чёрным перцем; тесто защипывали и пекли в печке. Это было всего однажды. Также однажды пекла хлеб.

Наступление весны было очень сильным впечатлением. Сначала со всех склонов потекли ручьи, и под их чистыми струями иногда обнаруживались ценнейшие предметы, например осколки фарфоровой чашечки с ярким рисунком на одной стороне. Наше жилище стояло на крутом берегу довольно большой реки. Наверно, это был Миасс. Ледоход запечатлелся как незабываемое, волнующее зрелище — я впервые увидела, как тронулся и пошёл по реке лёд.

Позже, помню, я купалась в этой реке, тоже впервые. Я прежде никогда в реке не плавала и не умела плавать, но когда вдруг осталась без опоры под ногами, то стала грести к берегу и выбралась сама.

Впервые с начала войны я ощутила сильный голод, когда почему-то оказалась в каком-то зажиточном доме, где меня никто не кормил. Видимо, тётя Лида была с Валериком в больнице — у него после смерти

мамы началась диспепсия. Наверно, тётя Лида меня на время кому-то отдала, и я там оказалась совершенно беспризорная. Я бродила по этому дому и набрела на комнату, где на вазе лежала сухая корка чёрного хлеба. Я её украла и съела. Возможно, не ела не один день.

Потом какой-то ребёнок показал мне стоявший под кроватью ящик с соевыми конфетами, мы с ним их брали и ели. Это обнаружили и нас наказали — не очень серьёзно, с юмором.

В поисках съестного я ходила по двору и забрела в огород. Там на грядке рос очень красивый овощ. Я его сорвала и попробовала на вкус. Он был совсем невкусный, и я его бросила. Я побрела дальше и увидела малину, и только собралась её поест, как по другую сторону куста увидела бабку, которая эту малину собирала. (То есть, была уже вершина лета.) Бабка не выказала протеста, но я в страхе убежала.

В этом же дворе была обычная русская уборная с очком. Яма, наполненная содержимым, продолжалась за её задней стенкой. Однажды прямо на моих глазах в эту выгребную яму с разбегу вдруг попал выводок цыплят. Я схватила стоящую недалеко деревянную лестницу, спустила её в яму и стала спускаться туда сама. Цыплята, которые ещё не успели утонуть, но уже перепачкались, по мне быстро выскочили на волю, но лестница под моими ногами стала уходить вглубь, и я стала погружаться в содержимое ямы. Каким-то образом я выбралась наружу. Мои ноги и моё красное вельветовое пальтишко были залеплены говном. Я явилась в таком виде в дом, и хорошо, что тётя Лида была дома. Она стала меня отмывать и отмыла. Меня никто не ругал, но и не хвалил, хоть я предотвратила большой экономический урон для владельцев цыплят. Тогда я не понимала, что поступок мой рискованный. Я не могла знать, что высота лестницы меньше, чем глубина ямы. Я просто бросилась спасать цыплят. Теперь я с гордостью вспоминаю этот случай и считаю, что если в жизни мне выпадали удачи, то это воздаяние за то, что я тогда спасла цыплят.

Снова Челябинск. Из Троцка мы все втроём вернулись в Челябинск в ту же комнату, где жила тётя Мура со своими сыновьями Сашей и Геной. Кроме того, к нам шестерым подселили ещё одного человека, который занял одну кровать; всё своё имущество разместил под кроватью. Мы, дети, проинспектировали: там были пачка какао и лезвия для безопасной бритвы. Он прожил у нас недолго.

На Новый год мы все, включая Сашку и Генку, побывали на ЧТЗ на детском празднике, и были подарки.

Питались мы очень плохо, по выходным тётя Лида и тётя Мура ходили на рынок, пытаясь продать что-нибудь из вещей и купить съестное.

Зимой я болела корью — очень тяжело. Была без сознания, отказывалась от еды. Когда пришла в сознание, попросила манную кашу, которую до того давали только Валерику (нам разрешалось выскрёбывать кастрюлю). Но на этот раз каша мне показалась невкусной, я не смогла её есть.

Если в Смоленске я узнала Пушкина (от Вали Поцей), то здесь, в Челябинске, познакомилась с Лермонтовым, его стихи читала тётя Мура, и многие тогда запали на всю жизнь.

Позже приехал Пётр Степанович и увёз своих в Москву, а мы с Валериком остались в Челябинске с тётей Лидой.

В Челябинске я совершила дурной поступок. У нас проездом остановилась какая-то малознакомая женщина — скиталица. Может быть, на один день. Она из своих припасов решила что-то испечь в подарок близким, к которым ехала. Коржики получились неудачные, но сильно пахли. Эта женщина сложила коржики в кастрюлю. Ночью, когда все заснули, я их съела. Насколько плох был этот поступок, я поняла лишь став взрослой, когда мысленно поставила себя на место этой несчастной женщины. Тётя Лида очень сердилась, но как-то неоднозначно.

Наша жизнь в Челябинске становилась всё труднее. Тётя Лида была нам за маму, а когда она уходила на работу, забота о Валерике ложилась на меня. Я многое делала неправильно, и тётя Лида, вернувшись с работы, на меня сердилась, даже наказывала, но это не вызывало у меня обиды, я понимала, что она справедлива. Однажды я отказалась стирать обкаканные Валеркой пелёнки, и тётя Лида ткнула меня мордой в пелёнку. Я не обиделась.

Я так и не отблагодарила тётю Лиду за эти военные годы.

Там же в Челябинске я пошла в первый класс. Наверно это был 43-й год. В школе мне всегда попадало, потому что у меня не было ни тетрадей, ни чем писать. Я как-то украла чужую тетрадку, выдав её за свою, но сразу была разоблачена.

Мои страдания кончились, когда приехал папа и забрал меня в Москву.

1.7. Родня по Шестереням

Рассказывает уже знакомая вам Маруся — Мария Ивановна Тьютюченко, двоюродная сестра вашей мамы. Записано у нас дома в Москве 30 апреля 1976 года.

После войны от всей деревни остался один дом — нашей родни, а теперь восстановили, там живут дядя Аркадий и его жена тётя Аксинья, очень хорошая женщина. Адрес — 211499, п/о Мосаро.

От Полоцка до Ушачи идёт автобус, а есть автобус Полоцк—Лепель, который идёт через Мосаро. Там сплошные озёра.

Вот, от старшего к младшим, перечень братьев и сестёр Анны Борисовны Шестерень.

Карчевский Павел Борисович — старший брат. Живёт в Витебской области, Ушачский район, почтовое отделение Мосаро, деревня Заозёрье (211499). Он после войны не захотел носить фамилию Шестерень и взял фамилию своей второй жены, тётки Дуни.

Одна дочь — Паша, Васюкова Пелагея Павловна. Она и муж кончили Тимирязевку, живут в Калужской области. Отец мужа где-то секретарь райисполкома в Подмосковье. Другая дочь Катя, она не пишет.

С Пашей, свидетельницей расправы, и с Павлом Борисовичем, которому за упокой семьи налил Василий Сталин, наш рассказ уже встречался. В марте 1981-го мы получили от Паши открытку: Васюковы переехали и стали жить по адресу: 142024, Щапово Подольского района Московской области, дом 30, квартира 5. Паша изредка заезжала, чаще звонила — всё лежала по больницам. Слепла, тяжело болела. Скончалась в 2005-м.

Павел Борисович умер в конце 1990 года в возрасте 84 лет.

Карабань Варвара Борисовна, 1908 года рождения, фамилия у неё по мужу, живёт в семье дочери 37-го года рождения (дочь — это я и есть, Маруся). Мы жили в Калининграде, теперь живём в Ёйске по месту службы моего мужа, он военный, Тьютюченко Виктор Яковлевич 34-го года, с Украины. Наши дочери — Тоня в десятом классе и Надя в седьмом. Живём: 353660 Ёйск, Первомайская, д. 202, кв. 26.

В райцентре Ушачи Витебской области живет мой брат Виктор Иванович Карабань, у него 4-комнатная квартира в новом доме. Жену зовут Галя. Старшая дочь — тоже Тоня, она уже замужем, дальше его дети: Коля, Толя, Алёнушка (скоро три года). Тоня кончила в Витебске сельхозтехникум, работает агрономом. Коля кончил десятилетку, Толя в 9 классе.

Марусина Тоня не раз с тех пор гостила у нас в Москве. В свой приезд в ноябре 2003 года сказала, что бабушка Варвара скончалась. «Она никогда не смотрела фильмы про войну и не откликнулась на просьбы вспомнить что-нибудь про военное время, ей это было тяжело. Или ограничивалась одним словом: голодали».

Продолжает Маруся:

Шестерень Аркадий Борисович, живёт в деревне Шестерни, жена — тётя Аксинья. В Лепеле живут их дети, Николай и Валентина (у них свои дети — один и двое), ещё в Полоцке Паша и Нина.

Аркадий Борисович умер в декабре 1989 года.

Верховская Екатерина Борисовна, живёт в Петропавловске-на-Камчатке, ул. Сахалинская, дом 22, квартира 10 (683000). Сын Василий живёт там же: Зелёная Роцца 4, квартира 12 (683030). У него первая жена погибла (попали волосы в станок), а сейчас другая, Валя, и сын Валерий (от первой жены).

Хилькевич Мария Борисовна, тётя Маруся. Бобруйск 3, улица Халтурина, 39 (индекс 213803). У них свой дом, муж недавно умер (дядя Андрей), он тоже во время войны, как дядя Павел, был шофёром — подвозил боеприпасы. Один сын там же живёт — Олег, самый младший, отслужил. Ещё один служит в Германии — Хилькевич Леонид Андреевич, жену зовут Люда, дочь Наташа, прапорщик. Ещё одна дочь, Света, живёт в Благовещенске. Другая, Инна, где-то в России за лётчиком.

Шестая Ася, Немцева Анна Борисовна.

Седьмая Таня, Коньшева Татьяна Борисовна.

Родившаяся в 1924 году Татьяна Борисовна запомнилась вашей маме юной санитаркой, которая накануне войны тоже обитала в Наро-Фоминске. Особенно сильные эмоции вызывала тогда у Аллы Танина санитарная сумка — мечталось, что когда-нибудь такая появится у неё самой. Почему Таня оказалась в военном городке? Мы с мамой предположили, что наверно, красный командир Виктор Немцев решил помочь деревенской сестрѣнке жены и устроил её в медсанчасть, как в начале 30-х он вытащил в Смоленск собственную младшую сестру Муру.

В марте 2007 года 93-летняя Татьяна Борисовна рассказала мне по телефону, как это было в действительности. Буквально перед самым началом

войны она, оказывается, сама надумала приехать в Наро-Фоминск, чтобы помогать тяжело больной Асе и её младенцу. Для этого понадобилось уволиться с работы, а увольняться в сталинские времена было нельзя. Пришлось Тане подделать какую-то справку. Подделала и 30 апреля приехала.

Асю положили в командирский госпиталь в Москве. Таня жила с Валериком в Сходне и ежедневно ездила к Асе на поезде — электричек ещё не было. В госпитале Ася кормила Валерика грудью, а напоследок сцеживала молоко, которое Таня забирала с собой.

Асе стало лучше, и 21-го июня её выписали. Ночевали в Сходне. Утром 22-го собрались к себе в Наро-Фоминск и на станции услышали из репродукторов: началась война.

О сходненском первом дне войны уже было (несколько иначе) в рассказе вашей мамы. Дальнейшее Татьяна Борисовна тоже описывает по-своему. По её словам, они с Асей обсуждали возможность эвакуации к сестре(?) в Горьковскую область, но не решились, а 8 августа Таню мобилизовали и она стала санитаркой в нарофоминском госпитале. (Наверно, тогда и появилась прельстительная сумка.)

Ася и дети уехали в сентябре, Таня помогла им собрать вещи, потом вернулась в брошенное жильё. Врезались в память разбросанные на полу фотографии. Таня их собрала, послала Виктору на фронт. Позже вместе с госпиталем двинулась на фронт сама.

Проведя войну в действующей армии, Татьяна Борисовна Шестерень там же в армии вышла замуж за Ивана Кондратьевича Кóнышева. После Победы Коньшевы обосновались в Кёнигсберге. Вряд ли случайно в Кёнигсберге оказалась и другая Асины сестра, Варвара Борисовна.

А куда им, победителям, было возвращаться? Каждый второй освободитель Европы — что мог он найти на месте отчего дома? Травой заросший бугорок.

Неспроста же всенародный отклик получило не одобрявшееся властью стихотворение смолянина Михаила Васильевича Исаковского, созданное в год Победы и спетое Марком Бернесом, — то самое, где «и на груди его светилась медаль за город Будапешт».

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?..*

Кёнигсберг показался решением.

1.8. Наш Калининград

Есть сайт, на котором дана восстановленная часть рабочих материалов для 17-го тома «Книги памяти Калининградской области». То есть поимённо перечислены павшие в боях за Кёнигсберг и округу. Не все, а у кого фамилии на «П». Список кажется бесконечным. Одних Поляковых 45 человек, Полянских 15, Полищук 20 да 13 Полещуков.

Тут и 159-я стрелковая дивизия, в которой до штурма Восточной Пруссии воевал ваш дед Антон, мой отец.

Помилуйко Степан Данилович, рядовой. 1926 г. рождения. Призван Штиковским РВК Винницкой обл. 159 сд. Погиб в бою 8 февраля 1945 г.

Поминов Сергей Леонтьевич, рядовой. 1906 г. рождения. Призван Бузулукским РВК Чкаловской обл. 159 сд. Погиб в бою 5 февраля 1945 г.

Помилуйко совсем мальчик.

Я копал историю войны и фронтовые записи отца, отслеживая путь дивизии. Вот 159-я с боями продвигается от Ельни к Смоленску, от Смоленска к Витебску. Вот отдыхает накануне операции «Багратион». Выходит к границе. Получает приказ «штурмовать логово зверя».

Читаю и не понимаю.

У немцев Восточную Пруссию обороняет мощнейшая группировка — почти 800 тысяч человек. Под миллион. Наши создают двойной перевес в людской силе и технике. Немцам их фюрер велит стоять насмерть. Нашим приказано взломать оборону и овладеть Кёнигсбергом. За четыре месяца до Победы — 13-го января 1945 года наши переходят в наступление.

Зачем?

Генерал К. Н. Галицкий, который командовал одной из армий, штурмовавших Кёнигсберг, писал: *«За всю войну мы ещё не встречали таких укреплений, какие были созданы в Кёнигсберге. В сущности это был крупнейший оборонительный район, рассчитанный на длительное сопротивление даже в условиях полной изоляции».*

Вот и держать бы восточнопрусскую группировку фашистов взаперти, пока фронт катится к Берлину. Ведь ясно же, что окончательная победа близка, и тогда все сорок три дивизии дисциплинированно, как принято у немцев, выйдут из уцелевших редутов с белым флагом.

Но это суждения дилетанта, не знакомого с подоплёкой. Она почти неправдоподобна. Оказывается, на завершающей стадии войны наши тогдашние англо-американские союзники всерьёз прикидывали, не соединиться ли им с фашистами для совместного удара по нашей армии. Предотвратить эту угрозу помогло стремительное взятие Берлина, но также и уничтожение нависшей над нашим флангом огромной восточнопрусской группировки.

Цитирую информированного специалиста, это дипломат и историк Валентин Михайлович Фалин, в 70-х годах он работал послом СССР в ФРГ. Апрель 2005-го, Фалин отвечает на вопросы корреспондента «Комсомолки».

— *Если бы мы первыми не взяли Берлин, то дальше пришлось бы воевать уже не с немцами. А с нашими союзниками — англичанами и американцами.*

— *И когда это уже стало ясно?*

— *Разведка доносила, что Черчилль впервые задумался о новой войне ещё в марте 1945 года. А в апреле отдал приказ начальникам своих штабов о разработке операции «Немыслимое». Я думаю, такое кодовое название он выбрал не случайно: для того чтобы сбить нас с толку. Надеялся, видимо, что никто в Москве не поверит в эту операцию.*

— *То есть замысел войны с СССР был реальным?*

— *Черчилль планировал собрать против нас мощную армию — примерно 1,5 миллиона человек. Воевавшие на Западном фронте американские, английские, канадские войска, польский экспедиционный корпус и ещё 10–12 немецких дивизий, которые англичане не стали брать в плен, а просто интернировали в Южную Данию и Шлезвиг-Гольштейн.*

Практически свеженькие части. Их ежедневно тренировали британские инструкторы: готовили к войне против СССР. Третья мировая должна была начаться 1 июля 1945 года.

— И этому есть документальные доказательства?

— Лондон очень долго отрицал, что такой план существовал. Но несколько лет назад англичане всё же рассекретили свои военные архивы, и среди документов второй мировой войны оказались и бумаги, касающиеся операции «Немыслимое». Тут уж «отнекиваться» бесполезно.

— Тогда, летом 1945 года, на что они рассчитывали в войне с СССР: на внезапность своего удара?

— Конечно. В их плане было чётко прописано: советские войска на этот момент будут истощены, техника, участвовавшая в боевых действиях в Европе, — изношена, продуктовые запасы и медикаменты подойдут к концу. Поэтому не составит труда отбросить их к довоенным границам и заставить Сталина уйти в отставку. Нас ждали смена государственного строя и раскол СССР. В качестве меры запугивания — бомбёжка городов, в частности Москвы. Её, по планам англичан, ждала судьба Дрездена, который союзническая авиация, как известно, сровняла с землей.

— А что же американцы?

— У них был такой генерал Паттон — командующий танковыми армиями. Он прямо заявлял, что не планирует останавливаться на демаркационной линии вдоль Эльбы, согласованной в Ялте, а идти дальше. На Польшу, оттуда на Украину и Белоруссию — и так до Сталинграда. И закончить войну там, где её не успел и не смог закончить Гитлер. Нас он называл не иначе, как «наследники Чингисхана, которых нужно изгнать из Европы».

Короче, к моменту взятия Берлина с восточнопрусской группировкой было практически покончено. Едва настал победный день Девятого мая, как она немедленно сдалась. От тех восьмисот тысяч осталось всего ничего, жалкие двадцать две тысячи, остальных наши успели ликвидировать. И уж своих наверняка положили не меньше в ходе ежедневного и круглосуточного штурма, длившегося четыре месяца.

В 1946 году Кёнигсберг переименовали.

Осев там с мужьями, сёстры Татьяна и Варвара, урождённые Шестерень, приросли молодыми поколениями, для которых Калининград уже родина — то единственное на земле место, без которого нельзя.

Был немецкий форпост, стали ушацкие выселки.

1.9. Выселки

Через тридцать лет после торопливых нарэфоминских расставаний, калининградка Татьяна Борисовна Конышева разыскала вашу маму — дочь своей канувшей с последним эшеломом сестры Аси. Как в сказке, вернула нам родню.

Мы быстро и надёжно сошлись с Татьяной Борисовной и её дочерью Аллой Соколенко (1947). По цепочке от Конышевых объявилась подмосковная Паша Васюкова, а там и Тытюченки, перебравшиеся из Калининграда в Ейск по месту службы главы семьи. Вслед за старшим поколением возникла близость между младшими — тебе, Анюта, знаешь

сама, пришлась по душе калининградская сестрица Таня — внучка Татьяны Борисовны, дочь Аллы и Василия Соколенко.

У Татьяны Борисовны, кроме Аллы, старшей, есть сын Толя (1950), он моряк. Его жену зовут Наташа, у них две дочери, Наташа и Аня. Эта ветвь Коньшевых давно отселилась в Ригу. Они остались в Латвии после её отделения.

У Аллы с Васей, кроме упомянутой дочери Тани (1972), есть сын Рома (1980). Около 2003 года Таня с мужем (его зовут Сергей Кури́га) купили квартиру в Балтийске, там жильё дешевле, чем в Калининграде, но жалуются, что нет работы. У них сын.

Тоня Тьютюченко, став взрослой, вернулась из Ейска в Калининград, в котором родилась. Она Никифорова (по мужу), но с мужем рассталась и вырастила одна двоих сыновей — Евгения (1983) и Александра (1984). Работала на кого-то массажисткой, потом стала сама себе хозяйка, завела постоянную клиентуру. Сыновья взрослые, один служит в Калининграде в штабе флота. Под Новый 2007 год узнали, что Тоня — бабушка.

У оставшейся в Ейске Тониной сестры Нади тоже сын — Антон (1979), мужа зовут Андрей Смирнов. По словам Тони, Надя сильно растолстела, а муж тонкий.

Соколенки, Тьютюченки — украинские фамилии. Так что украинская кровь, которой для полноты коллекции не хватало нашим предкам, теперь у нас в родне имеется.

1.10. Ушацкая блокада

За что же фашисты стирали с лица земли деревню Шестерни?

Ответ, вроде бы, лежит на поверхности: мстили за партизан, вообще за противодействие оккупационной власти. Это, конечно, так. Но поражают масштабы мести. Одно дело единичные показательные репрессии — Лидице, Орадур-сюр-Глан. (Всё же поправлюсь: в Чехии фашисты не ограничились одной деревней, вслед за Лидице устроили бойню по соседству, в деревне Лежаки. Общей картины это впрочем не меняет.) Так вот, одно дело — пара уничтоженных деревень, и совсем другое — шестьсот с лишним. Отчего такая огромная разница?

Как ни удивительно, ответ и здесь простой: размеры мести как правило соответствовали размерам понесённого фашистами урона.

Показательную расправу в Лидице учинили после единичной, в общем-то, диверсионной акции — покушения в Праге на жизнь начальника, поставленного немцами над чехами.

Уничтожение посёлка Орадур-сюр-Глан было мезтью за захват партизанами немецкого офицера.

Карательные экспедиции в Белоруссии учинялись в связи с партизанскими действиями существенно иного размаха и иного военного значения. Уже к концу 1942 года партизаны с боями освободили весь Ушачский район и создали партизанскую зону, которая вышла за пределы Ушачины, охватив 1220 населённых пунктов. Из надёжного источника:

Здесь издавались газеты, действовали школы, электростанции, больницы, различные мастерские, которые обслуживали партизан и местное население. На партизанские аэродромы регулярно прилетали самолёты с Большой земли. Партизаны громили немецкие гарнизоны,

штабы, склады, пускали под откос железнодорожные эшелоны, уничтожали проводную связь.

Многие наверно слышали о трагедии белорусских евреев, их в республике фашистами было загублено более 800 тысяч. Но не все знают, что партизаны непосредственно в боевых отрядах устраивали семейные лагеря для евреев, что укрывали евреев в деревнях, расположенных в партизанских зонах. К концу 1943 года таких партизанских зон было в республике уже двадцать, партизаны контролировали шестьдесят процентов территории Белоруссии, оставляя восточный фронт фашистов без надёжного тыла.

С Ушацкой партизанской зоной связана самая масштабная из карательных операций в Белоруссии, восточноевропейское командование СС предприняло её весной 1944 года. К проведению операции были привлечены все наличные полицейские полки, которым были приданы армейская артиллерия, танки и авиация. Тогда в Ушачском районе 60-тысячная группировка фашистов окружила 17 тысяч партизан. Эту страницу великой войны историки назовут Ушацкой блокадой.

Есть на Ушачине мемориал «Прорыв» — памятник, поставленный в том месте, где партизанские бригады прорвали кольцо и, сохранив боеспособность, ушли в направлении линии фронта.

Вроде бы, всё понятно, размах карательных операций был в Белоруссии адекватен тому размаху, с каким население противостояло оккупантам. Всё это можно постичь умом.

Но как-то не получается поставить точку.

1.11. Загадки

Почему всё-таки именно в Белоруссии земля, как говорится, горела под ногами оккупантов? Что там было такого особенного? Ведь в той же Чехии или Франции оккупантам в общем-то жилось комфортно — гуляли под каштанами с местными девицами, угощались в пивных и кафе, даже в театр хаживали слушать оперетку. Докучали же фашистам разве что отдельные храбрецы — и то часто из беглых советских пленных. Смотреть французские или, скажем, голландские фильмы про то, что им там представляется ужасами немецкой оккупации, как-то даже неловко.

В чём дело? В белорусском национальном характере?

Свидетельства противоречивы, я теряюсь при попытке составить собственное представление о белорусе, то есть о том характере, который вошёл в кровь моих детей через Асю Шестерень.

С одной стороны, главным в белорусе находят то, что он готов до бесконечности терпеть невзгоды и приноравливаться к обстоятельствам. Напомню: белорус *«искусился в поисках пассивного сопротивления»*.

С другой, беспрецедентно упорное сопротивление оккупантам. Прямое, открытое, вооружённое. По своему размаху партизанское движение в Белоруссии сравнимо разве что с борьбой, которую вела с оккупантами Народно-освободительная армия Югославии.

Справка. В Югославии карательные операции фашистов носили регулярный характер. В одной из них в мае 1943 года 127-тысячная группировка, поддержанная танками, артиллерией и авиацией, окружила в долине реки Сутьески 16 тысяч партизан, обременённых трёмя с половиной тысячами раненых и больных. Партизаны прорвали кольцо и соединились

с бригадами в Восточной Боснии. К концу 1943 года югославские партизаны сковывали более тридцати фашистских дивизий и очистили от оккупантов более половины страны. На освобождённых территориях действовали органы местной власти, восстанавливалось хозяйство, работали школы и больницы.

Прямо как про Ушачину, слово в слово.

Но сербы, тем паче черногорцы — известные храбрецы да гордецы, у них мужчина с малых лет саблей опоясан. Белорусы же мирные хлебопашцы.

*Меня в Полесье занесло.
Там за полями, за лесами
Есть белорусское село —
Всё с ясно-синими глазами.*

*С ведром, босую, у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.*

*В шинельке, —
видно, был солдат, —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини...*

Как совместить эту благодать (Евгений Винокуров) с леденящими кровь картинками жертвенного народного сопротивления, возникающими в военных повестях замечательного сына Ушачины Василя Быкова?

Переносусь с его страниц на полвека вперед — новая порция загадок. Опять каратели, только на сей раз НАТОвские, бомбят Сербию. Бомбят, членят, язвят, унижают. Сербия да Белоруссия — по бельму на каждый глаз цивилизованной Европы. Белоруссия даже ужасней, потому что в ней, как в ту войну, полное отсутствие сил, готовых к сотрудничеству (коллаборации). Бомбили бы и Белоруссию, да побаиваются Россию, которая являет осторожное сочувствие то белорусам, а то и сербам.

Кто в нынешней Европе самый плохой? Сербы да белорусы. И, понятное дело, русские. То есть, озлобление цивилизованного Запада вызывают сегодня те самые народы, которые в ту войну встали поперёк немецкого мирового порядка. Те, которые в борьбе со всемирной угрозой пролили самую большую кровь.

Если это не случайное совпадение, тогда — что?

Не подумайте, что у меня есть ответ, приберегаемый до поры эффекта ради. Вразумительный ответ могли бы дать специалисты, да где они?

Могу поделиться лишь смутными догадками. Мне кажется, что ответ как-то связан с категорией совести. По ассоциации, что ли, приходит на ум военное детство, когда нас всех, и взрослых и детей, ставила в тупик загадка второго фронта. Да есть ли у них совесть? — спрашивали стар и млад.

Мы тогда понимали, что надо держаться, и армия наша держалась, но всё-таки надеялись на второй фронт. Верилось, что союзники облегчат нашу участь — высадутся под боком у Германии и оттянут на себя весомую часть немецких дивизий, как это делали белорусские да югославские партизаны.

А союзники не высаживались.

Гитлер дошёл до Москвы, там его побили и немного отогнали на Запад, но он опять пошёл в наступление, дошёл до Волги, и под Сталинградом Красная Армия победила его снова, на сей раз куда сильнее.

Чтобы избежать в этой обстановке разгрома, германское командование провело тотальную мобилизацию старших (свыше 46 лет) и младших (моложе 18 лет) возрастов и за этот счёт перебросило на фронт к 30 марта 1943 года около 35 дивизий с Западного фронта и из Западной Европы, заменив их там новобранцами.

Фашисты почти подставлялись, а союзники всё равно не высаживались. Цинично имитировали военную активность где-то в пустыне Сахара, на острове Сицилия. Чуть ли не в Антарктиде.

Но ведь пора и совесть знать! Так нам, наивным, тогда представлялось. Наивность наша была и вправду уникальна. Снова свидетельствует В. М. Фалин.

О сроках ведения войны в Европе и о времени её окончания шли дискуссии ещё в ходе войны. Они велись непрерывно с 1942 года. Если быть точным, то сей вопрос занимал политиков и военных с сорок первого года, когда подавляющее большинство государственных деятелей, включая Рузвельта и Черчилля, полагали, что Советский Союз продержится, максимум, четыре–шесть недель. ... Затем, когда эти оценки и, если позволите, расценки нашей жизнестойкости не сбылись, когда под Москвой Германия потерпела первое, подчеркиваю, стратегическое поражение во Второй мировой войне, взгляды резко переменились. На Западе зазвучали опасения, как бы Советский Союз не вышел из этой войны слишком сильным. А если он действительно окажется слишком сильным, то станет определять лицо будущей Европы. Так говорил Берле, заместитель Госсекретаря США, координатор американских разведок. Так считало и окружение Черчилля... Американские военные настаивали и убеждали Рузвельта (есть несколько меморандумов от Эйзенхауэра на этот счёт), что второй фронт необходим, что второй фронт возможен, что открытие второго фронта сделает войну в Европе, в принципе, кратковременной и заставит Германию капитулировать. Если не в сорок втором году, то, самое позднее, в сорок третьем. Но подобные расчёты никак не устраивали Великобританию и деятелей консервативного склада, которых на американском Олимпе было предостаточно. ...Потому что по идеологии Черчилля и тех, кто эту идеологию разделял в Вашингтоне, нужно было «задержать этих русских варваров» так далеко на Востоке, как только можно. Если не разбить Советский Союз, то предельно ослабить его. Прежде всего, руками немцев. Так ставилась задача.

И союзники продолжали не высаживаться. А мы — а мы их презирали. Отсиживаются? Пусть отсиживаются, сами справимся.

Высадились наши верные союзники только в июне 44-го — через три года после нападения Гитлера на Советский Союз, через два года после Сталинградской битвы и через год после битвы Курской. К моменту их высадки судьба войны была окончательно решена. Красная Армия освободила левобережную, вслед за тем правобережную Украину и громила фашистов у границ сопредельных стран. Наша участь уже не нуждалась в облегчении. Наши надежды на западную совесть уже испарились.

Актуальным стал послевоенный миропорядок, раздел поверженной нами Германии. Вот они и высадились.

Берегли себя.

Себя надо беречь, это и волку понятно. Загадка не тут, загадка в совести.

1.12. Ценности

На Западе уважают ценность человеческой жизни. Избирательно, но уважают. Без конца об этом твердят. Пишут, в частности, о наглядной пользе сотрудничества с оккупантами. Коллаборационизм, дескать, в отличие от безрассудного белорусского или югославского сопротивления, позволил немалому числу европейских народов сохранить население и сберечь жилищный фонд. Таких рассуждений нынче сколько угодно.

При этом Запад не идеализирует гитлеровского фашизма — понимает, что если бы фашистов не побили, они, начав с евреев, сожрали бы всех подряд. Как же совместить задачу ликвидации фашизма и благотворность коллаборационизма? Ответ на этот, казалось бы, неразрешимый вопрос подсказала демократическому Западу историческая практика: ликвидацией коричневой чумы охотно занимаются те, кто не дорос до западного представления о ценности человеческой жизни. Русские, да сербы, да белорусы. Этим всё равно — что жить, что помирать. Любить таких нельзя, карать необходимо.

А если по совести? Если по совести — разве в случае общей угрозы не надлежит делить ратный труд поровну?

Вопрос не понят — наша совесть на западные языки не переводится. У них под совестью понимается иное, свобода совести это для них свобода выбора между костёлом, синагогой и мечетью.

Дело не в генетике. Поляки да чехи тоже славяне, а не очень-то партизанили. Хорваты, которые по языку и крови не отличаются от сербов, чаще воевали на стороне фашистов, чем против них. Зато у греков, которые вовсе не славяне, антифашистская партизанская армия опиралась на народную поддержку, насчитывала 50 тысяч бойцов и контролировала две трети территории страны.

Разные цивилизации?

Как ни глянь, получается, что в годы второй мировой войны на подвиг самопожертвования поднялись исключительно те европейские народы, которых объединяет общая традиция восточной ветви христианства. А почему это так, и почему антифашистскую борьбу этих народов возглавили коммунисты, и сыграла ли тут роль категория совести, об этом судить не мне, естественнику, равно удалённому от партий и конфессий.

Но есть ощущение, что об этом надо думать, пытаюсь понять, зачем, за что, чего ради пошла на костёр деревня Шестерни, ваш исток по бабке Анне Борисовне.

1.13. Сентиментальное

В заключение — находка в интернете.

Республиканский сайт народного образования, 2005-й год.

Десятые классы: Ушачская средняя школа, **Шестерень Анна**. 30,00 баллов. Второе место по школе, третье по району, пятьсот тридцать восьмое по области, две тысячи восемьсот пятидесятое по республике.

Третьи классы: Ушачская средняя школа, **Шестерень Настя**. 73,00 балла. Первая по школе, первая по району, одиннадцатая по области, сто двадцатая по республике.

Что за рейтинги такие?

Ночами, ближе к рассвету, лезет в голову блажь. Зазвать девок в Москву, поводить по театрам, угостить пловом. Настоящего узбекского плова на Ушачине наверняка не знают, а у нас целых два семейных рецепта — от Лёпочки и от Коли Назарова.